

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО (Ленинград)

О ДЕЙСТВИИ В ЯЗЫКЕ СПОСОБА ВЫРАВНИВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НГАНАСАНСКОГО)*

В отличие от других уральских языков (за исключением мансийского и хантыйского) в самодийских двойственное число остается живой действующей категорией, которая последовательно сохраняется не только в склонении всех именных частей речи, но и в спряжении. Особенно это характерно для северносамодийских языков (ненецкого, энецкого, нганасанского). В них глагол в субъектно-объектном спряжении включает в свою форму указание как на число субъекта, так и на число объекта во всех трех числах: единственном, двойственном, множественном. Например, нен. *hada-ŋa-haju-da*, эн. *koda-hu-da*, нган. *koda''a-kəj-čü* 'добыл-их-двоих-он'. В селькупском языке таких конструкций нет, хотя и в нем имеется две серии личных показателей переходного глагола: одна та же, что и у непереходных глаголов, другая — только у переходных глаголов.

Только в камасинском языке, каким он зарегистрирован в работах М. А. Кастрена (Castrén 1966), К. Доннера, А. Й. Йоки (Donner, Joki 1944 : 128), А. Кюннапа (Künnap 1971), показатель двойственного числа отсутствовал, за исключением единичных форм, которые могут рассматриваться как рудиментарные остатки этой категории.

Отдельные случаи нарушения свойственной языку системы (замена формы двойственного числа формой единственного и множественного), отмечаемые иногда в индивидуальной речи, не могут сколько-нибудь существенно нарушить общей сложившейся картины. Вместе с тем обращает на себя внимание особенность образования пространственно-временных падежей в северносамодийских языках. В двойственном числе основного и лично-притяжательного склонений эти падежные формы конструируются не с помощью специальных падежных суффиксов, как можно было бы ожидать по аналогии с единственным и множественным числами, а посредством особых образований, в которых имя в двойственном числе сочетается с соответствующей формой послелога. Чаще всего в этих целях используется серия послелогов, характеризующих внешние пространственные отношения:

* Резюме этой статьи опубликовано: N. M. Tereščenko, Die Kategorie der Dualform in den samojedischen Sprachen. — Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II, Turku 1980, с. 62.

	нен.	эн.	нган.	
дат.- направ.	<i>te-he' ná'</i>	<i>te-hy' ne'</i>	<i>ta-gi na</i>	'оленям-двум'
местно- твор.	<i>te-he' nána</i>	<i>te-hy' nen</i>	<i>ta-gi nanu</i>	'у оленей-двух'
отложи- тельный	<i>te-he' nad</i>	<i>te-hy' ned</i>	<i>ta-gi natə</i>	'от оленей-двух'
продоль- ный	<i>te-he' namna</i>	<i>te-hy' neon</i>	<i>ta-gi namənu</i>	'по оленям-двум'

Наиболее отчетливо данное положение видно во фразовых примерах: нган. *baŋki natə nōmu xoŋgə-tətu* 'От собак-двух заяц убегает'; *təgi turkugi natə xursədin'* 'От тех озер-двух мы вернулись'.

Вместо послелогов внешне-пространственного значения в зависимости от контекста могут выступать и другие серийные послелог:

	нен.	эн.	нган.	
дат.- направ.	<i>te-he' ŋyl'</i>	<i>te-hy' ir'</i>	<i>ta-gi ŋile</i>	'под оленей-двух (куда?)'
местно- твор.	<i>te-he' ŋylna</i>	<i>te-hy' iron</i>	<i>ta-gi ŋilenu</i>	'под оленями-двумя'
отложи- тельный	<i>te-he' ŋylad</i>	<i>te-hy' irod</i>	<i>ta-gi ŋiledə</i>	'из-под оленей-двух'
продоль- ный	<i>te-he' ŋylmna</i>	<i>te-hy' iroon</i>	<i>ta-gi ŋilemənu</i>	'под оленями-двумя (по какому месту?)'

	нен.	эн.	нган.	
дат.- направ.	<i>te-he' taha'</i>	<i>te-hy' taha'</i>	<i>ta-gi tagə</i>	'позади оленей-двух (куда?)'
местно- твор.	<i>tehe' tahana</i>	<i>te-hy' tahan</i>	<i>ta-gi takənu</i>	'позади оленей-двух (где?)'
отложи- тельный	<i>te-he' tahad</i>	<i>te-hy' tahađ</i>	<i>ta-gi takədə</i>	'из-за оленей-двух (откуда?)'
продоль- ный	<i>te-he' tahamna</i>	<i>te-hy' tahamon</i>	<i>ta-gi takəmənu</i>	'позади оленей-двух (по какому месту?)'

Такие же построения наблюдаются и в лично-притяжательном склонении с тем отличием, что в нем к формам двойственного числа присоединяются лично-притяжательные суффиксы:

	нен.	нган.	
дат.- направ.	<i>te-heju-n ná'</i>	<i>ta-gəj-nə na</i>	'оленям-двум-моим'
	<i>te-heju-t ná'</i>	<i>ta-gəj-tə na</i>	'оленям-двум-твоим'
	<i>te-heju-ta ná'</i>	<i>ta-gəj-tü na</i>	'оленям-двум-его'
местно- твор.	<i>te-heju-n nána</i>	<i>ta-gəj-nə nanu</i>	'у оленей-двух-моих'
	<i>te-heju-t nána</i>	<i>ta-gəj-tə nanu</i>	'у оленей-двух-твоих'
	<i>te-heju-ta nána</i>	<i>ta-gəj-tü nanu</i>	'у оленей-двух-его'

отложи- тельный	<i>te-heju-n ĩad</i>	<i>ta-gəj-nə natə</i>	'от оленей- двух-моих'
	<i>te-heju-t ĩad</i>	<i>ta-gəj-tə natə</i>	'от оленей- двух-твоих'
	<i>te-heju-ta ĩad</i>	<i>ta-gəj-tū natə</i>	'от оленей- двух-его'
продоль- ный	<i>te-heju-n ĩamna</i>	<i>ta-gəj-nə namənu</i>	'по оленям- двум-моим'
	<i>te-heju-t ĩamna</i>	<i>ta-gəj-tə namənu</i>	'по оленям- двум-твоим'
	<i>te-heju-ta ĩamna</i>	<i>ta-gəj-tū namənu</i>	'по оленям- двум-его'

Известно, что в агглютинативных языках, к которым относятся и самодийские, нередко затруднительна трактовка отдельных элементов, имеющих грамматическое значение. Прежде всего это касается четкого разграничения падежных показателей и послелогов. О том, что в рассматриваемом случае перед нами послеложные сочетания (а не падежные образования), свидетельствует в первую очередь сама конструкция изучаемых построений — в парадигматических формах лично-притяжательный суффикс следует за падежным показателем, почему и занимает в слове конечную позицию. Например, в нганасанском:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
местно- твор.	<i>ta-tənu-nə</i> 'у моего оленя'	<i>ta-tini-nə</i> 'у моих оленей многих'	<i>ta-gəj-nə nanu</i> 'у моих оленей-двух'
отлож.	<i>ta-gətə-nə</i> 'от моего оленя'	<i>ta-giti-nə</i> 'от моих оленей многих'	<i>ta-gəj-nə natə</i> 'от моих оленей-двух'

Легко заметить, что в двойственном числе лично-притяжательный формант оказывается не в конце, а внутри построения, и это вообще характерно для послеложных сочетаний, например: *ta-gəj-nə bəbətə* 'место моих оленей-двух', *ta-gəj-nə cūbə* 'до моих оленей-двух', *ta-gəj-nə ĩidə* 'из-за моих оленей-двух' и т. д. По-видимому, именно это обстоятельство затрудняет превращение послеложных по своему происхождению образований в падежные форманты, хотя в принципе такие преобразования вполне возможны (см., например, Мещанинов 1945 : 289, Серебренников 1964 : 43; 1967 : 18 и др.). В работах по селькупскому языку некоторые словоформы рассматриваются как находящиеся в процессе становления на базе послеложных конструкций (см. Беккер 1978 : 171—179). В нганасанском языке, как уже писалось, находится в становлении второй дательно-направительный падеж внешне-местного направления движения, оформленный показателем *-da-* также послеложного происхождения (Терещенко 1973; 1979 : 83—86).

Такому преобразованию способствуют чисто внешние особенности языкового строя — между именем и послелогом, помещаемым в постпозиции, не может оказаться определение, так как по твердым синтаксическим нормам оно предшествует определяемому.

В ненецком языке на послеложный характер рассматриваемых конструкций указывает и сохранение в показателе двойственного числа конечного назализированного гортанного смычного, в то время как попадая в середину слова, этот звук утрачивается или же чередуется с *n*, *j*. Следовательно, здесь нет основания говорить о действии ассимилятивных процессов на стыке оформленного слова и послелога, по-

сколькx ни одно из сочетающихся слов не подвергается фонетическому изменению.

О том же свидетельствует возможность рассмотренных элементов типа *há', ne', na, nána, nen, nanu* и т. д. относиться к двум, реже к нескольким однородным членам предложения; например, нен. *nanoho', hanha' namna tyna'' jadermy''* 'Наши олени ходили мимо лодок-двух, нарт-двух'; *naβkaha', βéhekoho', šatakoho' há' naβar mí''nadm'* 'Я дал еду авкам-двум, собакам-двум, сятако-двум'; нган. *kántagi, maki natə kona''a* 'Он ушел от нарт-двух, чумов-двух'; *kántagi, maki nanu ta isüo* 'Олень находился около нарт-двух, чумов-двух'.

Характерно, что носители языка придерживаются на письме раздельного написания таких, например, форм, как нен. *tehe' nána*, нган. *tagi nanu* 'у оленей-двух' и т. д. Очевидно, в их языковом сознании элементы типа *hána, nanu, hád, natə* ощущаются не как падежные показатели, а как отдельные слова.

Как бы ни рассматривались приведенные выше конструкции, в северносамодийских языках они являются единственным способом выражения пространственно-временных отношений в двойственном числе. Способ этот, как было уже показано, существенно отличается от построений тех же падежных форм в единственном и множественном числах. (Наблюдающаяся замена форманта двойственного числа во всех самодийских языках числительным 'два', естественно, не может рассматриваться в качестве числового показателя. При этом синтаксический способ обозначения двойственности отмечается преимущественно у существительных со значением неодушевленности).

В этой связи представляют определенный интерес встретившиеся в наших материалах по нганасанскому языку образования, в которых имена, оформленные показателем двойственного числа, сочетаются не с послелогоми, а с падежными суффиксами, теми же что в единственном числе: дат.-направ. *ta-gi-da* 'к оленям-двум', местно-твор. *ta-gi-tənu* 'у оленей-двух', отл. *ta-gi-gətə* 'от оленей-двух', прод. *ta-gi-mənu* 'по оленям-двум'.

Характерно, что в дательно-направительном падеже двойственного числа в зависимости от контекста и общей ситуации высказывания используются два приема передачи направления движения: *ńerb'a''ku tagida nokudü''o* 'Девочка подошла к оленям-двум' и *tagi na ńerb'a''ku midü''ə syrə* 'Оленям-двум девочка дала соли'; *tagəjnə da baŋ loŋaty* 'На оленей-двух-моих собака лает' и *tagəjnə na ŋona ta xutuři''əm* 'К оленям-двум-моим еще оленя запряг-я'.

Проверка подтвердила возможность таких образований, в которых послеложные сочетания заменялись бы парадигматическими формами: *damkida nokudü''omu''* 'К морям-двум приблизились-мы', *damkigətə xurši''əmy''* 'От морей-двух вернулись-мы', *damkimənu damb'irsüomu''* 'По морям-двум плавали-мы'. Необходимо оговорить, что такого рода построения встречаются очень ограниченно и потому не могут рассматриваться в качестве установившейся нормы. Тем не менее они отмечены и потому должны соответствующим образом интерпретироваться.

Исключение составляет дательно-направительный падеж, в котором при выражении устремления или направленности к кому-чему-либо формы с *-da* количественно преобладают над сочетаниями имени в двойственном числе с послелогом *na*. Типично при этом, что при наличии лично-притяжательного суффикса особенно отчетливо осознается послеложное происхождение *-da*, почему возникает потребность в раздель-

ном написании: *ɲəntugəjnə da sočeli'əm mēndadəgl sətugi* 'Сыновьям-двум-моим я сшила новые шапки'.

Помимо дательно-направительного падежа включение имени в двойственном числе в обычную парадигму склонения наблюдается в продолжном падеже, имеющем однотипное выражение у имен, наречий и послелогов, в чем сказывается особенность происхождения данного показателя.

Напрашивается вывод, что по аналогии с единственным и множественным числами в языке возникает тенденция к образованию пространственно-временных падежей и в двойственном числе по той же модели, т. е. с помощью падежных суффиксов. Тем самым происходит своего рода нивелировка явлений одного ряда. Вместе с тем естественной представляется аналогия с селькупским языком, в котором в двойственном числе все падежи, за исключением дательно-направительного, образуются при помощи тех же формантов, что и в единственном (Прокофьев 1935 : 34).

Возможно, конечно, и прямо противоположное предположение о том, что перед нами остаточное явление ранее более обычного употребления. Но если бы это было так, подобный факт не мог бы не обратить на себя внимание предшествующих исследователей. Однако в работах М. А. Кастрена, Г. Н. Прокофьева эти формы не зарегистрированы.

С отмеченным явлением можно связать формы двойственного числа в лично-предназначительном склонении. Как известно, это склонение отмечается только в северносамодийских языках, в селькупском его нет, не было и в камасинском. В указанном склонении имеется только три падежные формы (именительный, винительный, назначительный), каждая в единственном, двойственном и множественном числах предмета и в девяти личных формах всех трех чисел (по три — для единственного, двойственного и множественного). При этом нганасанский язык и в рассматриваемом отношении характеризуется отличительными особенностями. В то время как в ненецком и энецком языках имена в двойственном числе лично-предназначительного склонения, как правило, не включают в свою основу числового показателя, отличаясь от формы единственного числа только лично-притяжательными суффиксами, в нганасанском в таких образованиях выделяется пять морфем: корневая, показатель склонения, показатель двойственного числа, падежный суффикс, лично-притяжательный формант (подробнее см. Терещенко 1977 : 95—104). Высказанному положению не противоречит то обстоятельство, что некоторые формы могут отличаться нулевым показателем, который выявляется только в противопоставлении с более отчетливо выраженными случаями. К таким нулевым показателям относится показатель единственного числа предмета. В двойственном и множественном числах показатель лица и числа лица в большинстве форм заключены в одной суффиксальной морфеме. Ср., например: ед. ч. *taðənti* (*ta-ðə-m-ti*) 'олень-для-них-двоих', *ɲəndujčəntun* (*ɲənduj-čə-m-tun*) 'лодку-для-них-многих': дв. ч. *taðəkəiči* (*ta-ðə-kəj-či*) 'олений-двух-для-них-двоих', *kəntəðəkəjčün* (*kəntə-ðə-kəj-čün*) 'нарты-две-для-них-многих'.

В форме *taðəkəiči* выделяются элементы: *ta* — основа существительного 'домашний олень', *-ðə* — показатель лично-предназначительного склонения, *-kəj* — суффикс дв. ч., *-či* — формант 3 л. дв. ч., включающий в себя одновременно и значение винительного падежа. Для других лиц в двойственном числе, а также для других падежей этот суффикс был бы иным. См. также *tuəðəkəjnü* *hedutytygəj* 'Два аргиша для нас идут'.

При наличии в предложении определения оно получает то же число-

вое выражение, что и определяемое. Например: *ətə tadəmə tu*°o 'Этот олень для меня пришел'; *ətki tadəkajñe tu*°ogaj 'Эти два оленя для меня пришли'; *ətə*° *tadiñe tu*°o 'Эти многие олени для меня пришли'.

Не исключено, что по аналогии с формами двойственного числа лично-предназначительного склонения, прочно сохраняющимися в нганасанском языке, в отдельных случаях падежное оформление начали получать и имена в двойственном числе основного склонения.

Имеющийся материал позволяет заключить, что в нганасанском языке двойственное число в склонении сохраняется более полно по сравнению с другими самодийскими языками, оказывая в определенных случаях влияние на его грамматическую структуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
Мещанинов И. И. 1945, Члены предложения и части речи, Москва—Ленинград.
Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Ленинград.
Серебренников Б. А. 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва.
— 1967, Историческая грамматика мордовских языков, Москва.
Терещенко Н. М. 1973, Некоторые особенности падежной системы нганасанского языка. — JSFOu 72, 427—433.
— 1977, К генезису лично-предназначительных (дезидеративных) форм в северно-самодийских языках. — Fenno-ugristica 4, Tartu, 95—104.
— 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
Castrén, M. 1966, Grammatik der samojedischen Sprachen, Bloomington (UAS).
Donner, K., Joki, A. J. 1944, Kamassisches Wörterbuch, Helsinki.
Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numerszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).

N. M. TERESCHENKO (Leningrad)

UBER DIE WIRKUNG DER AUSGLEICHMETHODE IM NGANASSANISCHEN

Die Kategorie des Duals ist in den nordsamojedischen Sprachen eine noch heute wirkende Kategorie, die konsequent sowohl in der Deklination als auch in der Konjugation angewandt wird. Jedoch lenken Bildungsbesonderheiten der Dualkasusformen die Aufmerksamkeit auf sich. Im Unterschied zum Singular und Plural werden die Lokal-Temporal-Kasus im Dual mittels postpositionaler Verbindungen gebildet (öfters durch die Verbindung des Substantivs im Dual und einer Reihe Postpositionen, die äußere Beziehungen charakterisieren).

Interessant sind in diesem Zusammenhang die in unseren Feldmaterialien des Nghanassanischen getroffenen Sprachkonstruktionen, in denen die Nomina, die das Dualmerkmal besitzen, nicht mit Postpositionen, sondern mit Kasussuffixen verbunden werden. Diese treten mit denselben Kasussuffixen, mit denen die Singularformen der Nomina versehen sind, in Verbindung. Es drängt sich die Schlußfolgerung auf, daß der Analogie nach mit dem Singular und Plural in der Sprache eine Tendenz zur Bildung der Lokal-Temporal-Kasusformen auch im Dual mittels des gemeinsamen Modells entsteht. Damit erfolgt, so zu sagen, ein Ausgleichen der sprachlichen Erscheinung ein und derselben Reihe. Es ist schwer möglich, diese Formen als Überbleibsel des früher üblicheren Gebrauchs zu betrachten, denn solch eine Tatsache wäre kaum außer Sicht damaliger Sprachforscher geblieben. Jedoch gibt es weder in den Sprachmaterialien von M. A. Castrén noch in denen von G. N. Prokof'jev Aufzeichnungen davon,